

ДМИТРИЙ КОРОВНИКОВ

АДМИРАЛ
ИМПЕРИИ

ХРОНИКИ

66

Дмитрий Коровников
Адмирал Империи - 66

«Автор»

2026

Коровников Д. Н.

Адмирал Империи - 66 / Д. Н. Коровников — «Автор», 2026

Из дневника адмирала Василькова А.И. — командующего русского экспедиционного корпуса: Запись 469: «Сегодня стёр с карты сектора три обитаемых мира. Население – 6 миллионов человек. Потери флота – приемлемые...» Запись 2013: «Мятеж в 22-ой «гренадерской» подавлен. Казнено более 3000 офицеров и нижних чинов дивизии. Среди них – мои однокурсники...» Запись 55298: «Война с Конфедерацией завершена. Наши потери – 60% личного состава. Победа. Мне присвоили еще одну Золотую звезду. Она пахнет кровью...» Согласитесь, но очень похоже на мемуары героя. Больше на сухие строчки военных донесений, за которыми – выжженные планеты и погибшие флоты. Это правда о том, как делается история экспансии. Без патетики. Без оправданий. Без жалости. Каждая запись – еще один шаг к трону... или к эшафоту.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Дмитрий Коровников

Адмирал Империи - 66

Глава 1

Табельный пистолет мне вернули через минуту. Алекс-1 протянул мне оружие рукоятку вперёд и бесстрастно доложил, что в магазине не хватает одного патрона. Роботы серии «Алекс» безукоризненно вежливы. Я принял пистолет, и он показался мне тяжелее. Физика уверяет, что такого не бывает.

Приговор императора роботы привели в исполнение в тот же час, и на флагмане капитана Длинного его исполнили те же — Алекс-1 и Алекс-2. Они прошли двести сорок второй насквозь, от мостика до машинного, палуба за палубой, с той же нечеловеческой аккуратностью, с какой умели подстраиваться под детский шаг. Без спешки, без злобы, без единого лишнего движения. Злоба в этой процедуре не понадобилась вовсе — для того, что произошло в это время на девяти кораблях, она оказалась необязательной.

Космопехота в этом не участвовала. Вернее — космопехота Дорохова. Кузьма Кузьмич выслушал приказ, глядя куда-то сквозь переборку, затем молча собрал своих людей и увёл на «Афины». Его бойцы покидали чужой борт строем, не оглядываясь, и по тому, с каким усердием они не оглядывались, было понятно, чего им этот строй стоил.

Позже, уже на «Афине», полковник нашёл меня и доложил по всей форме. Закончив, он помолчал и добавил уже безо всякой формы:

— Мои люди штурмуют корабли, Александр Иванович. Безоружных они не расстреливают. Взыщут — отвечу.

— Не взыщут, — ответил я. — А если возьмутся, то взыскивать придётся с двоих сразу. Живая половина его лица не изменилась. Неживая, показалось мне, сделалась спокойнее.

Больше мы к этому разговору не возвращались — ни он, ни я. Некоторые договорённости надёжнее всего хранятся непроизнесёнными.

Его группа осталась единственной из девяти. Штурмовые команды с остальных кораблей приказ выполнили — борт за бортом, отсек за отсеком, подчистую. К исходу часа из двух тысяч человек экипажей эскадры Длинного не осталось в живых ни одного.

Я стоял на мостике «Афины», принимал доклады и разбирался с чувством, которого по отношению к Ивану Константиновичу не испытывал никогда. Это был не страх и не гнев — с этими двумя я в силу ремесла давно на «ты». Это было ошеломление пополам с разочарованием, глухим и тяжёлым, как разгерметизированный отсек. Я привык видеть в мальчишке незаурядный ум и гордился этим умом почти по-отечески. Сегодня мне показали вторую грань, и материал её мне не понравился. Жестокость — ровная, функциональная, без ненависти и без куража. Людям она достаётся трудно, тиранам — со сладострастием, а этому восьмилетнему человеку не досталась никак: задача поставлена, задача выполнена, оружие возвращено владельцу. Так работают машины вроде Алексов. Я всегда полагал, что роботы Гинце учатся у людей. Сегодня процесс шёл в обратную сторону, и я дорого дал бы за то, чтобы этого не видеть.

Вслух я не сказал ничего и никому. Есть мысли, которые командующий флотом обязан хранить под той же охраной, что и коды доступа, моя была из их числа. Но когда я оторвался от планшета и поймал взгляд Таисии, слова не потребовались. Княжна смотрела на брата, как смотрят на знакомую с детства дверь, за которой вдруг оказалась чужая комната. Потом она ощутила мой взгляд, и мы отвели глаза одновременно, одним движением, как два соучастника.

А Иван работал.

Государь стоял у тактического стола и отдавал распоряжения с размеренностью метронома. Распоряжения, надо отдать должное, были безошибочны: я мысленно искал, к чему придраться, не находил — и от этого делалось только тоскливее.

— Награбленное выгрузить, — говорил он. — Всё, до последнего ящика, под опись дознания. Кавторанг Жила, фиксация голографическая, учёт двойной. Что опознают владельцы — вернуть через администрацию генерал-губернатора. Остальное — в казну на восстановление и хранение.

— Есть, ваше величество. — Аристарх Петрович склонился над планшетом с видом человека, чьё любимое дознание только что разрослось до размеров планеты.

— Заложников — на госпитальные суда, тяжёлых — в лазарет «Афины». О состоянии каждого докладывать мне лично. — Тут Иван сделал паузу, единственную за весь список. — Погибших опознать. Передать семьям и похоронить с почестями.

Восемнадцать гражданских со «второго» и «пятого» бортов уже лежали в лазарете «Афины» — их сняли первыми, ещё до приговора. Помня доклад Дорохова, я не рискнул бы говорить их родным слово «спасены»: есть спасение, после которого спасать приходится ещё долго. Слушая перечень распоряжений, я поймал себя на скверной бухгалтерии: жестокость государя пугала меня, а её причины — нет. Между этими двумя мыслями не помещалась даже ладонь.

О кораблях он распорядился последним, и вот здесь я оценил замысел целиком — оценил, признаюсь, с холодком между лопаток. Девять крейсеров с выжженными маршевыми дюзами собрали в караван, нацепили на буксирные тросы, и гражданские буксиры с верфи потянули эту процессию к стационарным воротам, курсом на «Новую Москву». Всё по договору. В договоре говорилось о возврате кораблей — корабли возвращались. О состоянии маршевых двигателей там не значилось ни строчки. Об экипажах — тоже. Покойный каперанг требовал соблюдения до буквы — государь исполнил её всю, до последней запятой, и, полагаю, где-то в юридических эмпиреях вздрогнули разом все составители договоров в истории.

Я смотрел на карте, как караван вытягивается в походную колонну: тёмные корпуса на тросах, огни буксиров, неторопливый ход. Рядом, не сговариваясь, подобрались офицеры свободной вахты — смотреть на такое в одиночку не хотелось никому. Птолемей Граус получит свои девять бортов в целости — пустые, безмолвные и очень красноречивые. Некоторые послания читаются без шифровальщика.

С орбитальными делами было покончено, и государь пожелал спуститься на Сураж-4, в свою резиденцию. Слово «свою» здесь требовало осторожности: прежде резиденция принадлежала генерал-губернатору Борисевичу, уступившему её императору со всей широтой своей натуры, а теперь не принадлежала, в сущности, никому. Мародёры Длинного поработали над ней так же вдумчиво, как над собственными трюмами.

Челнко шёл вниз сквозь плотную облачность, и, когда она кончилась, Сураж-4 развернулся под нами целиком: рыжие поля, ниточки дорог, столица в излучине реки. Государь смотрел в иллюминатор не отрываясь — так смотрят на то, за что уже заплачено. После корабельного воздуха, прогнанного через тысячу фильтров, здешний ветер ударил в лицо запахом травы и дальнего дыма. Планета пахла живым и горелым одновременно, и оба запаха были естественными.

Выгоревшие окна смотрели на подъездную аллею чёрными провалами. Парадные двери исчезли вместе с петлями, фасад пятнала копоть, а внутри стоял запах холодной гари и того особенного разорения, когда выносят всё, что можно унести, и ломают всё, что унести нельзя. В кабинете на полу белел прямоугольник — след вынесенного стола. Больше там не осталось ничего.

Борисевич шёл по этим комнатам впереди нас, и я впервые за всё знакомство его не узнавал. Генрих Христофорович — человек, у которого шутка вшита в дыхание: он балагурит

на совещаниях, под обстрелом и, подозреваю, во сне. Теперь старик молчал, и молчание его весило больше него самого, а это, при комплекции борца сумо, величина серьёзная. У лестницы он остановился, положил ладонь на разбитые перила и заговорил, не оборачиваясь:

— Я ведь всю жизнь считал, Александр Иванович: посмейся над бедой — она и отступит. — Голос был незнакомый, без единой смешинки. — А над этим не смеётся. Здесь люди жили. Мои люди. — Он обернулся; глаза у него были нехорошие. — Государь их расстрелял? Правильно сделал. Мало — вот что я вам скажу. По мне, так мало.

Я промолчал. Спорить не хотелось, соглашаться было страшно, а страшнее всего оказалось то, что в тёмном трюме моей души, куда я стараюсь лишний раз не спускаться, сидел человек, согласный с генерал-губернатором целиком и полностью.

О прилёте государя город узнал раньше любых официальных сообщений — в колониях всё важное узнают именно так. К полудню площадь перед резиденцией была полна, а люди всё прибывали: шли из столицы, ехали из окрестных поселений, несли детей на плечах. Те самые люди, по чьим домам прошлись команды Длинного. Они кричали — не лозунги, не заученное «ура», а благодарили вразнобой, своими словами, и от этой нестройности по спине шли мурашки, каких не добиться ни от одного парадного хора. Для них не существовало ни договора, ни каравана пустых кораблей, ушедшего к воротам. Для них существовал маленький государь, который прилетел, покарал и вернул отнятое. Спаситель.

Ближе всех к ограде стояла немолодая женщина с девочкой на руках. Девочка махала самодельным флажком, а женщина ничего не кричала — смотрела на выгоревшие окна и беззвучно шевелила губами. Я так и не решил, молилась она или благодарила, и подозреваю, что в тот день между этим не было разницы.

Толпа не расходилась. Час за часом она стояла под выгоревшими окнами, и гул её не стихал, а густел, как густеет к вечеру морской прибой. Наконец Иван вышел на балкон.

Он был один — мы с Таисией остались в глубине комнаты, две зеркальные тени застыли у дверей. Площадь взорвалась и стихла сама, без единого его жеста: так стихают, когда очень хотят услышать.

Говорил он недолго. Чистый детский голос летел над площадью, и усилители, по-моему, были ему не нужны. Он говорил о разорённых домах, которые отстроят. Об украденном, которое вернут. О погибших, которых назовут поимённо. Ни одного пафосного слова, ни одной властной ноты — и всё же площадь слушала так, как не слушают ни одного трибуна. Я стоял в глубине комнаты, слушал тот самый ровный голос, которым он приказывал расстрелять две тысячи человек, и не мог совместить в голове эти две записи. Толпа внизу и не пыталась. Ей хватало одной.

Таисия смотрела на брата, и что стояло в её глазах — гордость или страх, я определять не взялся. Подозреваю, и то и другое: с этим мальчиком, похоже, иначе не бывает.

Под конец Иван поднял ладонь, и над площадью повисла тишина до звона в ушах.

— Обещаю вам, — сказал он, и голос его долетел до самых дальних рядов.

— Никто и никогда больше не причинит вам бед.

Глава 2

Вызов на «Афину» пришёл в шесть утра: государю было угодно видеть меня в резиденции. Иван Константинович спит четыре часа в сутки и, подозреваю, искренне недоумевает, зачем остальному человечеству вдвое больше. Депеша не содержала ни темы, ни повестки — только время и подпись. Я побрился, надел свежий китель и по дороге к катеру отметил, что ночь прошла без пожаров, стрельбы и сюрпризов. По нынешним временам это лучший комплимент, какой можно сделать ночи.

Пока офицерский вельбот шёл вниз, я перебирал возможную повестку. Выходило богато: вчерашний караван, дознание Жилы, оборона системы — выбирай любое и не угадаешь. Угадывать намерения этого ребёнка занятие того же сорта, что прогноз погоды на планете с тремя лунами: методика существует, точность — нет. Я бросил это дело и стал смотреть, как внизу светлеет столица.

Резиденция встретила меня стуком молотков и визжанием дрелей. За ночь на фасаде выросли строительные леса, у аллеи стояли грузовые платформы, и десятка три колонистов выносили из окон обгоревшие рамы — без команды, без охраны и, судя по разномастной одежде, без всякой оплаты. Никто их сюда не звал — пришли сами, с рассветом, со своим инструментом. Старший из них — седой, в прожжённой куртке — увидел мой мундир и молча приложил руку к груди. Я так же молча кивнул: некоторые разговоры удобнее вести без слов. Обещание, данное с балкона, начинало исполняться с обеих сторон сразу, и я не взялся бы сказать, какая сторона торопилась больше.

Генерал-губернатора я не застал. Дежурный офицер — молодой, отчаянно невыспавшийся доложил, что Генрих Христофорович поднялся затемно и улетел разбирать завалы и проводить ревизию в своей вотчине. Слово «ревизия» офицер произнёс с уважением, слово «вотчина» — с тоской человека, которому предстоит сводить её итоги в таблицы. Я мысленно пожелал складским ведомостям Суража продержаться до вечера: вчерашнего Борисевича я помнил хорошо и на его пути не хотел бы сейчас оказаться ни завалом, ни недостатчей.

Таисии Константиновны в резиденции тоже не оказалось. Куда отбыла великая княжна, дежурный не знал или не был уполномочен знать, что на военной службе одно и то же. Я отложил этот факт в сторону, к прочим утренним странностям. Отложенные мной в сторону факты имеют скверную привычку возвращаться в самый неподходящий момент — я знаю за ними эту особенность много лет и всё равно каждый раз откладываю.

Зато у дверей кабинета стояли те, кто не отлучается никуда и никогда. Алекс-1 и Алекс-2 замерли по обе стороны проёма с симметрией, какой не добиться ни от одного почётного караула. Теперь они при мальчишке постоянно, круглые сутки, и если у них есть регламент смены, то людям о нём знать не положено. Первый повернул голову ровно настолько, насколько требовалось: зафиксировать, опознать, потерять интерес. Я прошёл между ними, как проходят между двумя орудийными башнями: с уважением к калибру и без малейшей симпатии. Густав Адольфович объяснил бы мне в процентах, насколько его создания надёжнее людей, и в этом весь ужас: проценты были бы правильные. Человек, получивший приказ стрелять в безоружных, способен опустить оружие, я видел это только вчера. Алекс не опустит. Алекс даже не поймёт, о чём здесь полагается думать.

Не нравились они мне давно, а после казни эскадры Длинного — окончательно. Дело даже не в том, что эти машины без единой эмоции вырежут всех, на кого укажет император. Хуже другое: всех, на кого укажет Гинце. И совсем плохо третье, о чём я старался не думать и думал постоянно: у созданий Густава Адольфовича имелось собственное суждение. Алекс-3 в своё время сам решал, кого спасать, а кем можно рискнуть, — и решал не так, как решил бы человек. Истукан с инициативой — это уже не телохранитель. Это фигура на доске, кото-

рая не пьёт, не спит, не сомневается и не подаёт в отставку. Надо с этими истуканами что-то делать, отметил я про себя, переступая порог. Мысль была не нова, но сегодня она впервые оформилась в пункт повестки. Правда, повестку в этом кабинете утверждал не я — и с этим обстоятельством приходилось считаться каждый раз заново.

Кабинет императора за сутки оброс мебелью. Место вынесенного мародёрами стола занял другой — с клеймом интендантства вместо родословной. Над ним горела тактическая карта системы, лежали пара планшетов и толстый том мемуаров какого-то земного флотоводца, заложенный на трети. Иван Константинович поднял голову и кивнул мне на единственный стул. Сам он стоял и садиться, судя по всему, не собирался.

— Доброе утро, Александр Иванович. Спасибо, что прибыли так быстро.

— Ваше величество.

— Начну с того, о чём вы, вероятно, уже догадываетесь. — Он не стал тянуть. — Вчера ко мне обратились вице-адмирал Хромцова и контр-адмирал Зимина. При деятельной поддержке моей сестры. Предмет разговора вам известен: удар по «Новой Москве», пока первый министр Граус снова не собрал силы в кулак.

— Известен, ваше величество.

— Я отказал.

Есть новости, которые полагается принимать с непроницаемым лицом, и у меня было целое утро, чтобы такое лицо подготовить. Не пригодилось: Иван смотрел в карту, а не на меня. Внутри же происходило то, что в вахтенном журнале следовало бы записать как «личный состав ликует организованно». Я был рад так, как радуется человек, неделю ходивший по минному полю и узнавший, что поле то — учебное. Своё отношение к атаке столичной системы я излагал столько раз, что мог бы уже печатать его типографским способом и раздавать желающим на входе.

— Мотивы просты, и я хочу, чтобы вы знали их от меня, а не в пересказе. — Иван подвинул ко мне планшет с ведомостями. — Интарий. Всё, чем мы располагаем, — это примерно треть танкера. Этого достаточно, чтобы малая эскадра прыгнула к столице и вернулась. Один раз. Туда и обратно. После этого флот встанет.

— Так точно, — кивнул я.

— Дополнительное топливо взять поблизости негде. — Он не дал мне договорить, и правильно сделал: вопрос был из тех, что задают для порядка. — В ближайшее время — негде. Расход военного времени вы знаете лучше меня. Космофлот без топлива — это не флот, а очередь мишеней в сектора. Я не готов заплатить всем за один красивый удар. Даже если удар получится.

— Вам нужно моё мнение, ваше величество?

— Ваше мнение мне известно. — Сказано это было карте, а не мне. — Иначе вы стояли бы сейчас не здесь, а на мостике, и считали варианты прорыва.

Крыть было нечем. Восьмилетний собеседник в очередной раз сэкономил мне десять минут осторожных формулировок.

— Как наши дамы приняли отказ? — спросил я, тщательно выбирая глагол.

— Дамы приняли приказ, — поправил Иван, и в этой поправке уместился весь его взгляд на дискуссию. — Как приняли — вопрос второй.

Я представил себе, как в эту самую минуту где-то на «Палладе» рвёт и мечет Агриппина Ивановна — женщина, которая ходит в лобовую на превосходящие силы противника не меняясь в лице и совершенно не умеет проигрывать в тиши кабинетов. Я даже знал, какими словами это произносится: у Агриппины Ивановны небогатый, но выразительный словарный запас для начальственных решений, которых она не одобряет, и закалён этот словарь не одним десятилетием службы. Мысленно я посочувствовал её старпому: капитан Забелин — человек выдержанный, но выдержка — ресурс исчерпаемый, как интарий. Что до Настасьи Николаевны, то

она, полагаю, приняла новость иначе: пересчитала всё заново и отложила результат до лучших времён. Эта мысль согрела меня больше, чем следовало, и я вернул себя к действительности.

— Но вызвал я вас не за этим. — Иван развернул карту системы. — Я дал обещание жителям этой планеты. Слова, сказанные с балкона, ничего не стоят, пока за ними не стоят тяжёлые плазменные орудия. Пока над Суражем-4 нет обороны, моё обещание — пустой звук.

Палец его лёг на край карты — туда, где у врат на «Лиду» тянулась цепочка отметок. Константинов Вал.

— Вы отправляетесь туда. Как можно быстрее. Возьмёте столько фортов, сколько удастся увести, — насколько хватит топлива, и приведёте их сюда, к центральной планете. Орбита должна быть прикрыта раньше, чем кто-нибудь ещё раз решит, что здесь есть чем поживиться.

— Состав отряда — на ваше усмотрение. — Иван предвосхитил вопрос, который я ещё только формулировал. — Буксиры и топливо для перегона согласуете с комендантом Вала, контр-адмиралом Беспаловым. Остальные форты пойдут своим ходом — сколько смогут.

— Ходоки из них, прямо скажем, неторопливые, ваше величество.

— Мне не нужна скорость, адмирал. Мне нужно, чтобы они дошли.

Я посмотрел на карту и не нашёл, к чему придраться, — второй день подряд, начиная привыкать. Форты Вала неповоротливы, как всякая уважающая себя крепость, зато их орудия говорят на языке главного калибра, а направленные энергополя способны накрыть орбитальный сектор куполом, под которым любому рейдеру сделается неуютно. Гуляй-город над столицей колонии — это не манёвр, это заявление. Против таких заявлений не спорят — от них держатся подальше. Буксиров после вчерашнего каравана осталось меньше, чем хотелось бы, но слово «хотелось» на войне вообще из другого словаря.

— План разделяю полностью, ваше величество. Резиденцию и планету нужно прикрывать, и чем скорее, тем лучше. Разрешите исполнять: вернусь на «Афину» — и уже примерно через час мы снимемся с орбиты.

— Не торопитесь с «Афиной». — Иван Константинович впервые за утро оторвался от карты, и в углу его рта шевельнулось что-то, что при других обстоятельствах я назвал бы улыбкой. — Если у вас найдётся другой корабль, Александр Иванович, летите сразу на него.

— Простите? Не понял.

— Моя сестра выполняет одно моё поручение. — Пауза была отмерена аптекарски. — Для этого поручения ей нужен корабль, и она решила вернуть себе свой прежний флагман. Так что «Афина», полагаю, уже готовится к отбытию. В другое место.

Я стоял посреди чужого кабинета с горящей картой будущей обороны перед глазами и пытался вспомнить, когда новости этого семейства в последний раз заставляли меня готовым. Выходило, что никогда.

Спрашивать, что за поручение и куда это уходит «мой» линкор, я не стал. Во-первых, захотят — скажут сами. Во-вторых, у меня возникло стойкое ощущение, что ответ мне не понравится, а расстраиваться дважды за одно утро — роскошь, которую командующий флотом себе не позволяет.

Я козырнул, получил в ответ короткий кивок и вышел мимо неподвижных Алексов на лестницу, к солнцу и стуку молотков. Внизу колонисты уже поднимали на леса новые оконные рамы — обещания на этой планете исполнялись быстрее, чем я успевал к ним привыкнуть.

Глава 3

На «Афину» я летел с ощущением человека, которого вежливо попросили освободить собственную квартиру — причём передали просьбу через управляющего. Пилот шаттла оценил моё лицо ещё у трапа и весь полёт занимался исключительно пилотированием, за что был мысленно внесён мною в короткий список людей с безупречным служебным чутьём. Сам полёт я потратил на составление мысленного списка вещей, которые следовало забрать, и на решительное несоставление списка слов, которые следовало бы сказать. Первый список получился коротким. Второй грозил не поместиться в грузовую декларацию.

Формально сердиться было не на что. Корабль никогда не был моим: я принял его во временное командование, о чём в судовых документах имелась соответствующая запись, сделанная казённым языком и заверенная электронной печатью. Беда в том, что чувства казённого языка не читают. За месяцы, проведённые на этом мостике, я успел выучить голос каждой палубы, и то, что теперь этот голос будет слушать кто-то другой, воспринималось никак не юридически. С «Одиноким» я это уже проходил и знал: прощание с кораблём — процедура без анестезии. Повторять её раньше срока я не планировал, но мои планы в последнее время интересовали судьбу меньше всего.

Линкор встретил меня деловитой суетой, от которой у всякого флотского теплеет и щемит одновременно: корабль готовился к выходу. В ангаре палубная команда крепила последние контейнеры, по внутренней связи перекликались посты, у магистралей возились техники с видом людей, которым велели закончить к сроку, назначенному вчера. В дальнем конце ангара, отгородившись стеллажами, сержант в броне без шлема гонял отделение космопехотинцев по нормативам погрузки: молодые лица, новенькая экипировка, злые от старания глаза. Выучка Дорохова угадывалась с первого взгляда: люди работали молча и вдвое быстрее, чем требовал регламент. Всё делалось быстро, слаженно и без меня. Последнее обстоятельство занимало меня куда сильнее, чем хотелось бы признавать.

До мостика я дошёл, ни разу не остановившись, и это было отдельным достижением: по дороге мне козырнули десятка три человек, и каждый смотрел с тем особым сочувствием, с каким экипаж смотрит на командира, о смене которого уже осведомлена вся нижняя палуба. Флотский телеграф работает быстрее фотонной связи: депеша ещё шифруется, а камбуз уже обсуждает подробности. Вестовой у лифта осведомился, поднимать ли мои вещи из каюты, — и по его лицу было видно, что вопрос согласован инстанций на пять выше его собственной.

На мостике шла предподходная сверка. Таисия Константиновна стояла у тактического стола — так, как стоят только у своего: не глядя на переборки, спиной чувствуя каждый метр. Рядом старпом зачитывал ведомость готовности. Увидев меня, Аристарх Петрович запнулся посреди строки и сделался похож на подростка, которого застали сразу оба родителя — и у каждого свой список претензий.

— Быстро вы, Александр Иванович, — сказала Таисия, не поднимая головы от стола. — Я рассчитывала, что успею выйти из системы до трогательной сцены.

— Не хотел лишать вас этой трогательной сцены, ваше высочество. На космофлоте с развлечениями скудно.

Кавторанг Жила издал звук, который при желании можно было счесть кашлем, и уткнулся в ведомость с усердием первокурсника. Аристарха Петровича я понимал: одного из этих командиров он получил вместе с кораблём, ко второму привык за месяцы походов, и теперь оба стояли в трёх шагах друг от друга, а инструкции на такой случай устав не предусматривал.

— Куда идёт корабль? — спросил я без предисловий.

— Выполнять поручение государя.

— Это я слышал. Но, куда?

— У поручения есть гриф. — Таисия наконец подняла взгляд. — И этот гриф, представьте, выше вашего любопытства.

— Даже для командующего флотом императора?

— Особенно для командующего флотом. У вас, как я слышала, впереди собственный поход — вот им и интересуйтесь.

Осведомлена она была безукоризненно. Впрочем, ожидать иного от человека, выросшего при дворе, не приходилось: новости там усваивают раньше, чем они происходят.

— Моё любопытство переживёт. — Я подошёл к столу. — Оно у меня закалённое. Кстати, примите соболезнования, княжна: слышал, ваш девичий заговор по части «Новой Москвы» не состоялся. Такая была красивая авантюра — и такой прозаичный финал.

Выпад был не самым благородным, зато честным. Таисия сощурилась, и я приготовился к ответному залпу — ждать его долго никогда не приходилось.

— Раз уж мы заговорили о прозе, Александр Иванович. Я приняла корабль и провела обход. Вы чем здесь занимались всё это время? Линкор запущен так, что хоть санитарную обработку объявляй. Ещё месяц вашего командования — и «Афину» пришлось бы не передавать, а дезинфицировать.

Вот теперь залп пришёлся явно ниже ватерлинии, и мы это знали оба — я и моя выдержка.

— Интересно. — Я оглядел мостик, сиявший, как и весь корабль, той самой чистотой, которую сейчас предлагалось считать несуществующей. — При мне «Афина» была вылизана до состояния медицинского судна. Стерильность такая, что корабельный врач жаловался на профессиональную невостребованность. Если за последний час линкор успел зарости грязью, вопросы не ко мне.

— Значит, мне показалось, — светским тоном сообщила Таисия. — Бывает. Видимо, от усталости.

— Значит, показалось, — согласился я тем же тоном. — Бывает. Но, скорее, от вредности.

Со стороны наш обмен любезностями выглядел безобразно. Изнутри — тоже, но с оговоркой: за годы знакомства мы с Таисией Константиновной отточили этот жанр до состояния придворного танца, где каждый выпад расписан заранее, а синяки считаются частью хореографии.

Жила за нашими спинами перевернул страницу голографической ведомости с такой силой, что едва её не удалил всю голограмму. Вмешиваться он не собирался — за это время Аристарх Петрович твёрдо усвоил, что в наши с великой княжной перестрелки третьим лучше не вставать: зацепит обоими бортами.

— Всё, довольно. — Таисия выпрямилась и махнула рукой, закрывая тему, как люк. — У меня предстартовые проверки и скорый выход. Вам пора, Александр Иванович. И вообще — зачем вы прилетели? Государь ведь предупредил вас, что линкор я возвращаю себе. Хотели убедиться лично?

— На корабле есть кое-что, принадлежащее мне.

— Например? — Она усмехнулась, и в усмешке мелькнуло что-то от прежней Таси, с которой мы когда-то могли разговаривать, не считая пробоин. — Аристарха Петровича я вам не отдам, не просите. Это мой старпом.

Названный старпом замер над ведомостью в позе человека, которого делят два государства, причём оба — с артиллерией. Затем нашёл выход, известный всем старпомам во все времена: развернулся к дежурной вахте и обрушился на операторов с внезапной ревизией. Судя по интонациям, посты пеленгации не переживали такого разноса с выпускных экзаменов. Операторы, не понимавшие, чем провинились, вытянулись и отвечали строго по форме; Жила вхо-

дил в роль всё глубже и возвращаться из неё явно не планировал. Самый молодой из операторов бросил на меня умоляющий взгляд, в котором читалась нехитрая арифметика: чем дольше начальство выясняет отношения между собой, тем дольше страдают подчинённые.

— Старпома можете оставить себе, — кивнул я. — Я забираю Кузьму Кузьмича Дорохова и морпехов, которых перевёл сюда ещё с «Одинокого». Они пришли со мной с моего крейсера — со мной и уйдут.

— Прекрасно. — Обида у Таисии включалась без предупредительного выстрела. — То есть вы намерены оставить «Афину» без штурмовых подразделений. И сообщаете мне об этом перед самым выходом.

— Я намерен оставить «вашу» «Афину» в целости. — Я позволил себе паузу. — Пока вы отсутствовали, полковник Дорохов развил бурную деятельность: набрал и обучил целую роту космопехоты, которую теперь и возит на вашем линкоре. Я забираю лишь ветеранов «Одинокого», рота остаётся вам. Штурмовиков на борту будет немногим меньше прежнего, и все — натасканные Кузьмой Кузьмичом лично. Лучшей рекомендации в этом флоте не существует.

— А самого Кузьму Кузьмича вы спросили?

— Кузьму Кузьмича не спрашивают. Кузьме Кузьмичу сообщают, куда он уже согласился. — Я развёл руками. — Порядок заведён задолго до нас с вами, и ломать его я не советую даже великим князям.

Таисия помолчала, что само по себе тянуло на признание моей правоты, оформлять которое словами она, разумеется, не собиралась. Пауза тянулась ровно столько, сколько нужно, чтобы обе стороны сделали вид, будто счёт в матче не ведётся.

— А сейчас, с вашего позволения, я пройду в свою, пока ещё свою, каюту. Заберу личные вещи и освобожу вас от своего общества.

Я уже развернулся, когда она заговорила снова, и голос у неё был другой — без брони.

— Саша, подожди. Не надо... вот этого. Я забираю корабль временно, ты же понимаешь. Ты действующий адмирал флота его величества, тебе положен достойный флагман, и когда всё закончится...

На секунду — всего на одну, мне захотелось ответить её тоже по-человечески. Сказать, что понимаю, что корабль её, что дуться на приказ государя глупо, а на неё — вдвойне. Секунда прошла.

— Когда всё закончится, — строго сказал я, — у каждого из нас будет то, что он заслужил. Вы своё уже получили, ваше высочество: линкор в стерильном состоянии. Прошу простить великодушно — сюда я больше не вернусь.

Получилось даже жёстче, чем я собирался, и ровно так, как мне хотелось. Обида — скверный артиллерист: наводит быстро, а куда попал, показывает потом.

Я подошёл к Жиле, который как раз завершал третий круг воспитательной работы над ни в чём не повинной вахтой, и протянул руку.

— Аристарх Петрович, спасибо за службу. С вами было... надёжно.

— Господин контр-адмирал... — Жила пожал руку с таким лицом, будто прощался с эпохой, и покосился на Таисию. — Александр Иванович. Честь имею.

— Берегите корабль. И командира своего берегите.

Последнее слово я произнёс с той интонацией, за которую меня следовало бы немедленно списать на планету. Таисия у тактического стола очень прямо смотрела в карту, на которой в э

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.